1742

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

37.60.1.264а

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА 7-13 (19-25) ЯНВАРЯ 85 ГОДА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ

Д. Б. Рязанова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
1923

Арх Гн - 6531 а

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА

7—13 (19—25) января 1885 г.

37.60.1.264а

37.60.1.264а

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ БИБЛИОТЕКА
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ **Д. Б. РЯЗАНОВА.**

26/75

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА

7—13 (19—25) января 1885 г.

Под редакцией и с предисловием
Д. РЯЗАНОВА.

2-е ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
В ЛЕНИНГРАДЕ

Кооперативное Издательство
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ"
1923.

Отпечатано в 31-й типографии
М. С. Н. Х. арендатор «ГУМ»
Москва, Никольская, д. № 1/3.
Тираж 10000 экз. — ГЛАВЛИТ
№ 4001. 18/I. 1923 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Теперь, когда после Морозовской стачки—она началась 7 (19) января и закончилась 13 (25) января 1885 г.—прошло сорок лет, не приходится доказывать, что она имела громадное значение в истории русского рабочего движения.

А между тем, в свое время она обратила на себя не больше внимания, чем ряд других стачек в 1884 г. и в 1885 г. Только процесс, затеянный ретивыми чиновниками против забастовавших рабочих, судебное разбирательство, длившееся от 23 до 27 мая 1886 г. и кончившееся оправданием всех подсудимых, привлекли к Морозовской стачке всеобщее внимание и сделали из нее крупнейшее событие дня.

Это было время полного разгрома революционного движения. Героическая „Народная Воля“, которая нанесла, казалось, русскому самодержавию тяжкую рану, казнила одного самодержца и превратила другого, по выражению Маркса и Энгельса, в военнопленного революции, трусливо прятавшегося в Гатчине, к 1885 году была окончательно разбита. От передового отряда революционного движения в Европе остались только единицы, которые тщетно старались восстановить старую организацию.

В России царила самая мрачная реакция. Победоносцев, мракобес из мракобесов, управлял государством, а Катков, редактор „Московских Ведомостей“, вел свирепую и ожесточенную кампанию против всяких попыток изменить или ослабить господство сабли, нагайки и капитала.

Студенчество и интеллигенция, когда-то заполнявшие ряды революционеров, теперь ушли в науку, „малые дела“, или увлекались проповедью Л. Толстого о „непротивлении злу“.

Не видно было на поверхности общественной жизни такой силы, которая могла бы восстать против „царующего зла“.

Правда, существовала уже тогда маленькая революционная группа, которая называлась „Освобождение Труда". Ее главный теоретик, Г. Плеханов, доказывал, что Россия уже перестала быть „самобытной" страной, что и в ней развивается капитализм, что поэтому неизбежно будет развиваться новый общественный класс, рабочий класс, который не будет мириться спокойно с гнетом капитала и насилием самодержавия.

Плеханов убеждал оставшихся верными революционному делу интеллигентов идти в рабочую среду, вести там систематическую пропаганду, сделать ее главной целью всех своих усилий. Он при этом опирался на собственный опыт. Вместе с другими товарищами он в 1878 и 1879 г. вел пропаганду среди питерских рабочих и принимал деятельное участие в организации стачек на Новой Бумагопрядильне, помогая рабочим формулировать их требования. Теперь, отказавшись от старой народнической программы, которая все свои надежды возлагала на крестьянство, он советовал взяться немедленно за организацию рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудящегося населения.

А в Западной Европе того времени, под влиянием свирепствовавшего промышленного кризиса и связанного с ним роста безработицы, росло все сильнее и сильнее рабочее движение. Как раз тогда, когда разбиралось дело морозовских рабочих, в центре внимания всей Европы стояло французское рабочее движение. Стачка углекопов в Деказвиле, в руководстве которой принимали деятельное участие два социалиста, Дюк Керси и Рош, выявила потрясающую картину капиталистической эксплоатации, доведшей рабочих до крайней степени ожесточения. Один из наиболее ненавистных прислужников шахтовладельцев, некий Ватрен, был убит. Только с трудом можно было удержать рабочих от других убийств и разрушения шахт.

Не менее ужасающая картина бесчеловечной эксплоатации развернулась на процессе морозовских рабочих. Оказалось, что в России, которая не в пример гнилому Западу с его конституциями, республиками, пролетариатом, не знала ни „борьбы капитала с трудом", ни „рабочего вопроса", имеются свои капиталисты, Морозовы, не уступающие французским вампирам, имеются свои Ватрены, которые, как Шорины, готовы, как верные псы, перегрызть горло каждому рабочему, если этого требует хозяин.

Нужно прочитать судебный отчет,—мы его печатаем в этом сборнике,—который писан каким-то подручным Каткова для „Московских Ведомостей", чтобы представить себе, какую адскую жизнь умели создавать русским рабочим не бельгийские или английские капиталисты, а свои истинно-русские Морозовы, не английские или бельгийские мастера, а свои истинно-русские, все эти Драновы и Шорины.

Наш репортер отмечает в своем отчете „*болезненно желтый, изнуренный цвет лица и довольно дерзкую наружность, какие вообще свойственны подмосковному фабричному люду*". Его поражают среди них совершенно новые типы. Здесь имеется беззаветно смелый *Волков*: горячий „адвокат" рабочих, *Мосеенко*, которого рабочие называют „студентом"; *Лука Иванов*, которого по словам нашего репортера, можно было бы по разговору принять за развитого, получившего воспитание человека, если бы не было предварительно известно, что это фабричный ткач.

Где же получили воспитание Петр Анисимов Мосеенко и Лука Иванов?

На этот вопрос совершенно неожиданный ответ дает тот же судебный отчет. Оказывается, что они прошли одну и ту же школу.

И тот, и другой работали в Питере на фабрике в 1876—78 г.г., и тот, и другой принимали участие в кружках, которые устраивали тогда революционеры—в первую очередь Г. Плеханов и М. Попов — и из которых вышли после деятели „Северного Союза Русских Рабочих". Несомненно, что первый из них принимал деятельное участие в забастовке на Новой Бумагопрядильне, которую так подробно описал Плеханов. Среди рабочих, арестованных в марте 1878 г., значится и *Петр Анисимов*.

Мы не знаем, в какой организации Иванов и Мосеенко принимали позднее участие, но они были арестованы вместе, и после 17-ти месячного заключения высланы в Сибирь, в Каинский округ, где закончили свой курс „воспитания".

Несомненно, что Петр Анисимов Мосеенко использовал свой старый опыт, когда приступал к организации забастовки на Никольской мануфактуре. В этом отношении интересно сравнить

требования, выставленные рабочими Новой Бумагопрядильни и морозовскими рабочими. Борьба с штрафами и вычетами за прогул играет в них одинаковую роль, с той только разницей, что в требованиях морозовских рабочих соответственные пункты разработаны более подробно. Но есть и крупные различия, показывающие, что руководители стачки были уже знакомы с требованиями, которые выдвигались западно-европейскими рабочими, в особенности английскими.

Так, морозовские рабочие требуют, чтобы условия найма были определены в законе, чтобы хозяин предупреждал рабочего о расчете за 15 дней, причем и рабочий может увольняться с фабрики, предупреждая за 15 дней; чтобы заработная плата выдавалась не позже 15-го числа каждого месяца, или в первую субботу после 15-го числа, чтобы хозяин за каждый прогульный, по его вине, день, доплатил 40 копеек.

В требованиях имеются и пункты, которые устанавливают порядок браковки товара. Рабочие настаивают на участии их представителей в установлении доброкачественности товаров, а также выяснении расценки товаров. В связи с ним стоит и требование, чтобы старосты свободно выбирались рабочими и совсем неожиданным является требование, чтобы был *учрежден Государственный контроль над заработной платой*. К сожалению, нам неизвестно, как Мосеенко и его товарищи мотивировали эти требования.

Из напечатанных в этом сборнике статей В. Засулич и В. Ленина читатели узнают, какое значение имела Морозовская стачка в истории фабричного законодательства до Октябрьской России. Даже правительственные чиновники в своих тайных записках признавали, что „крупные беспорядки в Московской и Владимирской губерниях послужили толчком к изданию специального закона 3-го июня 1886 г.“.

Но несравненно большее значение имела Морозовская стачка, как доказательство того, что в России в порядок дня стал *рабочий вопрос*.

И это прекрасно понял сторожевой пес крепостной России, Катков, когда сейчас же по получении известия, что присяжные заседатели ответили на все 101 пункт обвинения отрицательно, злобно писал:

„Вчера в старом богоспасаемом граде Владимире раздался 101 салютационный выстрел в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса. Итак, да здравствует рабочий вопрос и право на труд!“

Понимая также прекрасно, что отказаться от промышленности Россия не могла, Катков требовал отказа от гласности суда и простой административной расправы с „распущенными“ рабочими, которые были недовольны порядками на фабрике, принадлежавшей „к числу лучших мануфактур“ [1]).

Нам неизвестно, знал ли Плеханов, что Мосеенко, главный организатор Морозовской стачки, принадлежал к числу тех рабочих, которые прошли революционную школу под его руководством, но он постарался сейчас же познакомить европейских товарищей с процессом морозовских рабочих. В органе тогдашних французских марксистов, „Социалист“ выходившем под редакцией Жюля Гэда и Поля Лафарга, он поместил (28 Июня 1886 г.) статейку, в которой он пророчески указывает, что Морозовская стачка явится исходным пунктом нового фазиса в истории русского рабочего движения.

Для него она явилась доказательством, что даже та, далеко еще недостаточная, работа пропаганды и агитации среди питерских рабочих, которую он и его товарищ вели в 1876—78 г.г., не пропала даром. Она показала, что в России уже народился новый класс, революционный по самому своему положению, класс, который нуждается только в том, чтобы его практика была оплодотворена действительно *революционной* теорией. А этой теорией могло быть только учение революционного коммунизма, теория, основные начала которой были разработаны уже авторами „Коммунистического Манифеста“, Марксом и Энгельсом.

И когда Плеханов, три года спустя, заявил на Парижском международном конгрессе, в Июле 1889 г. пред лицом представителей международного пролетариата, что *русское революционное движение восторжествует только, как рабочее движение*, он исходил уже из опыта русской действительности, он опирался на, правда, еще молодое рабочее движение, но давшее уже таких

[1]) Статья Каткова представляет такой интересный исторический документ, что мы решили перепечатать ее в этом сборнике.

представителей, как Петр Алексеев, Халтурин, Волков, Мосеенко и др.

Не прошло и десяти лет со времени Морозовской стачки, как новая еще более грандиозная стачка Петербургских ткачей в 1896 г. показала, что русское рабочее движение вступило в новый, еще более значительный, фазис. Оно становилось теперь классовым и в течение следующего десятилетия—через ряд новых, все более массовых стачек: Ростовскую, стачки 1903 г., январскую стачку 1905—все решительнее выдвигало основную задачу: овладение политической властью и установление диктатуры пролетариата. Морозовская стачка есть одно из крупных звеньев того исторического развития, которое привело к Октябрьской революции.

Январь 1923. *Д. Рязанов.*